

УДК 81'27 – 116

«СТАРОЕ», «НОВОЕ» И «ВНЕВРЕМЕННОЕ» В ЯЗЫКЕ И В ОБРАЗЕ МИРА ИНДИВИДА

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждаются примеры догадки детей о значениях устаревших слов и использования детьми популярных неологизмов, понятных не всем взрослым. Дается обоснование роли топов – продуктов максимальной компрессии смысла – как вневременных ориентиров, обеспечивающих опоры речемыслительной деятельности индивида.

Ключевые слова: значение слова, идентификация значения слова, компрессия смысла.

«Одна из задач семасиологии – исследование психического содержания языковых явлений, т.е. представлений, связанных с языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражения внешнего и внутреннего мира в человеческой душе за пределами языковых форм»

И.А. Бодуэн де Куртенэ

Вводные замечания

В течение своей жизни человек непременно сталкивается и с весьма устаревшими словами, и с новообразованиями, и с иноязычными вхождениями в язык; всё это надо понять как значащие нечто. За счёт чего нам удаётся выходить из сложных ситуаций такого рода?

Встреча со «старым»

Несколько лет тому назад в сети Интернет появилась информация об эксперименте с детьми, которых попросили нарисовать то, что они поняли из широко известного четверостишья:

Бразды пушистые взрывая
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, красном кушачке.

Дети использовали различные опоры, пытаясь понять, о чём идёт речь. Главной опорой оказались хорошо известные слова, отталкиваясь от которых делались попытки построить некоторую привычную ситуацию. Так, в первой строке абсолютно непонятно слово *бразды*, а известными являются слова *пушистые* и *взрывая*. Отсюда вывод: если бразды *пушистые*, то это зверушки какие-то! А как их *взрывают*? Тут на помощь приходит вторая строка: *летит кибитка*! Что такое *кибитка*

– неизвестно, но раз она *летит*, значит зывают сверху! Надо рисовать что-то летящее по небу и сбрасывающее бомбы! Вот и получилось, что на рисунке по земле разбегаются какие-то лохматые животные, а из летящей по небу странной конструкции вываливается что-то типа снарядов или бомб. В третьей строке интересно слово *ящик*: оно содержит привычный суффикс *-ик*, может быть это человек, который копает *ямы*? Значит, у него в руках должна быть лопата. А что такое *на облучке*? Сказано, что загадочный *ящик* на нём *сидит*, может на земле что-то поставлено или положено? Итак, через посредство знакомого слова реализуется доступ к хранящимся в памяти ситуациям, в которых могли бы фигурировать именуемые объекты, действия и т.д., с подгонкой их под имеющиеся вербальные опоры и достраиванием (с помощью воображения) тех или иных деталей, признаков, связей, следствий, прогнозов...

Вполне возможно, что описываемый случай – это просто мистификация, т.е. реальный эксперимент не проводился (в противном случае давались бы сведения о том, где, кем и с кем именно велась эта работа). Тем не менее возможные опоры для понимания смысла воспринимаемого текста подмечены вполне правдоподобно и хорошо согласуются с результатами экспериментов по идентификации незнаковых слов, словесных новообразований, слов иностранного языка, псевдослов, представляемых в контексте или без него. Подобным образом мы на каждом шагу – в бытовых ситуациях и в научном поиске – конструируем правдоподобные (реально пережитые или воображаемые) ситуации, опираясь на слова, связи между ними, словообразовательные средства и т.д. для выхода на образы именуемых объектов, их признаки, связи, отношения, следствия и многое другое, без чего невозможным было бы ориентироваться в «расплывчатых множествах» значений идентифицируемых слов при решении вербальных «задач», которые к тому же оказываются «плохо сформулированными», особенно если слово ранее не встречалось, как и именуемая им сущность.

Оперирование «новым»

В последнее время меняется соотношение между преимуществами людей пожилого возраста, ещё понимающими лексику русской классики, и детьми, не знающими устаревших слов, но легко оперирующими «компьютерными» терминами. Приводимый ниже текст написан девочкой 10 лет, ученицей Мурманской школы Катей Александровой по прозвищу «Пушкин» (сердечно благодарю её маму, Е.В. Александрову, за любезное согласие на публикацию этого текста).

«В одной социальной сети “Королевство Ру” существовал аккаунт ба-тюшки-царя и его трёх сыновей. Младшего звали Иван-тусовщик. Позво-нил царь сыновьям по скайпу, да и говорит:

- Дети мои, вы уже совершеннолетние, голосовать можете. Не пора ли вам жениться?

- Да где мы жён-то возьмём? Все аккаунты в сети фейковые.

- А возьмите каждый по айфону, позвоните по любому номеру, куда попадёте, там и жена ваша.

Что делать? Взяли по айфону, да и пошли туда, где связь получше ловит. Стали они звонить. Старший в Питер попал, в салон красоты. Средний – в Москву к искусным кутюрье. А младший попал в Челябинск на детский утренник. Стали старшие сыновья хвастаться перед отцом по скайпу, да над младшим насмехаться.

А царь говорит:

- Чья жена лучший каравай испечёт, та и самая умелая.

А про себя подумал: “Чё ещё над двумя заданиями париться, как в старых сказках?”

Старшая в ОКее хлеб купила, да просроченный. Средняя в хлебопечке хотела испечь, да не хлеб получился, а сухарь – не ту программу выбрала. А младшая испекла шикарный каравай, потому что гуглить хорошо умела.

Пришли сыновья к отцу. Царь им и говорит:

- Младшая победила, что тут думать? А что вы тут стоите? Идите, идите, мне в Твиттере много твитов прислали.

Сыграли сыновья свадьбы, все фотографии в Инстаграм выложили, если интересно, можете посмотреть # (хэштэг) круто потусили.

Быстро айфон разряжается, да долго заряжается. Вот и сказке конец, а кто слушал, тому апгрейд на смартфон за десять лайков».

Какой процент русскоговорящих жителей России знает все фигурирующие в приведённом тексте слова? Конечно, понятен общий смысл старой сказки на новый лад, можно догадаться о предназначении некоторых из именуемых объектов (может быть даже всех), однако вопросы остаются, если подобные объекты и действия с ними не являются для нас привычными или хотя бы в какой-то мере известными.

Фигурирующие в этом тексте слова и их производные из состава терминов новых информационных технологий всё более активно переходят в обиходный словарь с чисто утилитарной функцией. Свидетельства такого положения вещей получены в экспериментальном исследовании М.А. Жолтиковой [3]: все испытуемые (студенты) поместили как знакомые и понятные предложенные им аббревимы сферы информатики, но только отдельные участники этого эксперимента смогли правильно расшифровать даже широко используемые сокращения типа SMS, GPS, что приводит к выводу о непосредственном увязывании подобного сокращения с образом объекта, его функциональным или характерным признаком, действием или ситуацией практического использования именуемой сущности.

Рассмотренный выше пример связан с тем, как в образ мира человека входят новые, фигурирующие в непосредственной практике или в рекламе, на телеэкране и т.д. артефакты, именованные которых «на слу-

ху». Однако далеко не всегда встреча с новым именовани-ем сочетается с физически воспринимаемым объектом или хотя бы его вербальным описанием, достаточным для успешной увязки именуемого с образом мира индивида. Так, в одном из произведений польского фантаста Станислава Лема говорится о том, что космический путешественник попал в ситуацию, когда ему надо было понять, что такое *сепульки*, о которых было известно только то, что они *выращиваются в сепулькирии*. В проведённом мною эксперименте со студентами был прослежен ход поиска ответа на вопрос: что они могут сказать о сепульках, если известна только эта дефиниция по типу «замкнутого круга? Первый ответ испытуемых почти всегда был одним и тем же: это что-то живое, раз оно *выращивается!* Моё уточнение относительно того, что выращиваться могут и кристаллы, сбивало с толку и приводило к выводу, что подобная дефиниция не позволяет понять, о чём именно идёт речь, поскольку не даются необходимые ориентиры для поиска опор в нашем образе мира или в языковых средствах как инструментах «выхода» на то, что лежит за словом в нашем многогранном опыте познания и общения.

Что же должно входить в число ориентиров / опор, необходимых и достаточных для того, чтобы понимание состоялось? Обычно подразумевается, что для этого достаточно знать значение слова, описываемое словарной дефиницией. Но чтобы понять дефиницию, нужно знать значения всех составляющих её слов (это мы уже видели на примере с *сепульками* и *сепулькирием*), поскольку каждое слово может оказаться «ключом» к типовой или специфичной для каких-то условий ситуации, наиболее общему (базовому) признаку принадлежности к некоторой категории или уникальному признаку, качеству, состоянию и т.п., а также к множеству вытекающих из таких опор следствий. Однако получение результата на очередном этапе поиска может оказаться импульсом для актуализации новых путей дальнейшего поиска, поскольку всплывают всё новые и новые альтернативы. Это сходно с попыткой достичь линию горизонта: каждая очередная опора открывает новые «горизонты»... *Где же и как*, благодаря чему открываются эти горизонты?

Слово в системе языка
и слово как достояние индивида

Для ответа на вопрос «где» разграничим два принципиальных подхода к слову – лингвистический и психолингвистический, уточнив, что у пользующегося языком индивида мнимой завершённости и «конечности» словарной дефиниции противостоит процесс (точнее – взаимодействие ряда процессов) поиска опор в предшествующем опыте для встречного конструирования того, что переживается как понимание воспринимаемой вербальной единицы. Сказанное выводит нас на представление о том, что за словом в памяти человека

лежит широчайшая сеть множественных (перекрещивающихся) связей между продуктами переработки многообразного (вербального и невербального) опыта познания мира и общения – индивидуальный образ мира, специфику которого можно передать метафорой «мультиmodalный гипертекст». Это динамическая функциональная система, увязывающая эмоционально-оценочно «помеченные» продукты перцептивной и когнитивной переработки опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению. Импульсом для распространяющейся по сети активации (параллельно во многих направлениях) может быть любое воздействие извне (ср.: звук сирены пожарной машины, вид огня или запах дыма, крик «Пожар!») или от самого индивида, но нас в данном случае интересует роль значения воспринимаемого слова, которое выступает в функции медиатора – «интерфейса» – между социумом и индивидом, между системой языка с его дискретными и мнимо самостоятельными единицами, с одной стороны, и голограммой образа мира, с другой, при мультиmodalности последнего, «встроенности» значения «живого» слова в пространство мозга и тела человека, а также в его естественное и социальное окружение (см. более подробно: [5]).

В противовес обычно принимаемому «по умолчанию» представлению о самодостаточности языка как такового и значения слова, в частности, рассматриваемый подход исходит из следующих базовых постулатов: 1) из трактовки языка как одного из психических процессов, функционирующего во взаимодействии с мышлением, памятью, воображением и т.д.; 2) из признания постоянной динамики уровней осознаваемости психических процессов (с выходом на «табло сознания» только получаемых продуктов); 3) из целостности человека, у которого имеет место постоянное взаимодействие тела и мозга, продуктов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки всего воспринимаемого и используемого; 4) из неизбежной включённости индивида в определённые взаимодействия с естественной и социальной средой, что обуславливает значимость и содержание «разделяемого знания»; 5) из представления об изначальной организованности процессов поиска имеющихся в памяти продуктов познания и общения в целях их использования в разных видах деятельности (в том числе – коммуникативной). Пункт «5» заслуживает более подробного обсуждения.

Роль «вневременного» в навигации по мультимедийной сети

Фактически далее ставится непростая задача ответа на вопрос: как организованы процессы поиска имеющихся в памяти «интерпретант» за пределами языковых форм? Речь идёт о памяти мозга и тела индивида, включенного в культуру, у личности со всеми вытекающими отсюда различающимися мотивами, предпочтениями и т.д.; ситуация многократно осложняется при межкультурных контактах.

Представляется, что для взаимопонимания между людьми в филогенезе выработаны универсальные (вневременные = всевременные = обязательные для использования в любой ситуации) опоры, которые должны обеспечивать переживание понятности воспринимаемого слова «для себя» или адекватности найденного в памяти слова замыслу высказывания, что требуется для формирования и формулирования мысли и для использования в сообщении «для других». Рефлексия помогает нам удостовериться в том, что для опознания именуемого объекта, как и при встрече с чем-то новым, мы должны получить для себя ответы на вопросы типа: что это такое? Какое оно? Для чего оно используется? Ответы на ряд таких вопросов мы получаем на разных уровнях осознанности посредством замыкания множественных динамических временных связей в мультимодальной сети, что можно метафорически называть механизмом глубинной предикации, благодаря действию которого идентифицируемое слово активирует необходимый комплекс того, что принято называть совокупностью языковых и энциклопедических знаний, включая возможные импликации, пресуппозиции и т.п.

Описание вопросов, ответы на которые направляют и организуют коммуникативную деятельность, даётся в теории топов, имеющей своим источником трактаты Аристотеля и диалоги Платона, хорошо согласующейся с идеями А.Ф. Лосева и детально обсуждаемой в работах В.А. Садиковой с привлечением мнений отечественных и зарубежных мыслителей – философов, лингвистов, психологов (см., например: [7]). К основным положениям этой теории относятся следующие: топика представляет собой систему структурно-смысловых моделей, это типология инвариантов высказывания, связующее звено между мыслью и речью; топика можно считать неформальной логикой говорящих, она опирается на «доязыковые» способности, заложенные в самой человеческой природе, на основе которых формируется доязыковой опыт, а затем – осваивается язык; топика обеспечивает не только линейное продвижение мысли, но и объёмность высказывания, его глубину; в спонтанной речи все топы функционируют как равноправные, их иерархичность появляется только в реальной ситуации общения; эта иерархия невероятно пластична и зависит от «здесь и сейчас». В.А. Садикова приводит перечень топов и даёт примеры анализа топов, реализуемых в речи.

В принципе принимая базовые положения теории топов, не могу согласиться с трактовкой топика как системы вершинных *языковых* категорий: эти действительно «вершинные» образования не могут быть «языковыми» (кстати, это противоречило бы месту топика «между мыслью и речью», см. выше). Опыт моделирования речемыслительных процессов приводит к заключению, что топы представляют собой продукты максимальной компрессии смысла. Это можно проследить при анализе этапов реализации замысла высказывания, который

в свёрнутом виде уже содержит комплекс «топов», следование которому контролируется на последующих этапах через множественные петли «обратной связи» вплоть до фонации конечного результата (см. подробно: [4]). Обратим внимание на то, что на уровне смыслов «не работают» традиционно принимаемые за истину в последней инстанции постулаты, выработанные в качестве продуктов логико-философских рассуждений о языке: **глубинная логика взаимодействия смыслов** ориентирована прежде всего на мгновенный учёт множества конкурирующих альтернатив и на оценку того, что именно наилучшим образом отвечает требованиям наличной ситуации. Речь идёт о логике действия, к тому же – действия речемыслительного, для которого потребны иной синтаксис (а нужен ли он на глубинном уровне?), иная трактовка предикативности (тоже ориентированной на действие – и мыслительное, и речевое), иное понимание референции и т.д.

Представляется, что именно наличие некоторого набора вневременных инвариантов базовых смысловых отношений, реализуемых в речи через бесконечное разнообразие вербальных манифестаций организует поиск опор для навигации по мультимодальной сети продуктов переработки опыта познания и общения (т.е. обеспечивает успешность естественного семиозиса); это же позволяет находить опоры для разделяемого знания (на уровне достаточного семиозиса) как необходимого условия успешности взаимопонимания между людьми (в том числе – говорящими на разных языках).

Заключение

Подробное обсуждение затронутых вопросов, краткий словарь используемых терминов и ссылки на исследования других авторов содержатся в [6; 10]. Правомерность увязывания значения слова с мультимодальными продуктами переработки опыта познания мира обосновывается исследованиями мозговой активности (см.: [1; 8]). Представления о конструктивной деятельности индивида при идентификации значения слова, о множественности конкурирующих процессов доступа к слову согласуются с имеющимися в современной мировой науке гипотезами и результатами экспериментальных исследований (см.: [9]). Убедительное обоснование невозможности «самозначного» языка и «самозначного» слова содержится в исследовании [2].

Список литературы

1. Голдберг Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация /пер. с англ. М., 2003. 335 с. [Электронный ресурс]. URL: [Http:// the-fifth-way.narod.ru/ExecutiveBrain/index.html](http://the-fifth-way.narod.ru/ExecutiveBrain/index.html) (Извлечено 30.07.2012).

2. Вдовиченко А.В. Раствание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного ун-та, 2008. 512 с.
3. Жолтикова М.А. Понимание, расшифровка и определение значения аббревием компьютерной сферы: экспериментальное исследование // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5. Вып. 2. С. 275–280.
4. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека (1977) // Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 31–85.
5. Залевская А.А. Значение слова в пространстве мозга, тела и окружения человека // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. ст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 31–35.
6. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с. [Электронная книга]. URL: www.directmedia.ru/
7. Садикова В.А. Толика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла и психолингвистика // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. ст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 69–73.
8. Чугунова С.А. Телесный подход к значению слова в экспериментальных исследованиях // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. ст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 98–102.
9. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics / Ed. By M.T. Turvey, K. McRae & M.F. Joannis. Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press, 2012. 745 p.
10. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. London, UK: International Academy of Science and Higher Education, 2014. 180 p.

**«OLD», «NEW» AND «TEMPORARILY NEUTRAL» IN LANGUAGE
AND IN PERSONAL WORLD IMAGES**

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

Examples of word meaning identification are discussed with reference to different kinds of words and to children as well as middle-aged people. Temporarily neutral products of sense compression are treated as mediating access to personal world images.

Keywords: *word meaning, word meaning identification, sense compression.*

Об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru